

ГОЛУБЧИКИ ЛИЦОМ К ВОСТОКУ

(ФИЛОСОФСКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ)

Марианна Альфредовна Фадеечева,
кандидат философских наук,
старший научный сотрудник
Института философии и права
УрО РАН

Социальные трансформации, начавшиеся на рубеже XX-XXI веков и продолжающиеся в XXI веке, приводят к необходимости их осмысления. Философская рефлексия по поводу места человека в мире в политологическом дискурсе оказывается проблемой самоопределения политических акторов. При этом не имеет значения, какие причины привели к социальным и политическим катаклизмам: или «люди играли и доигрались с АРУЖЫЕМ» [с.16] (или люди играли и доигрались в политику. В любом случае Взрыв имеет Последствия. Последствия многообразны. «У кого руки словно зеленой мукой обметаны, будто он в хлебе рылся, у кого жабры; у иного гребень петушиный али еще что. А бывает... к старости прыщи из глаз попрут, а не то в укромном месте борода расти учнет до самых колен. Или на коленях ноздри вскочат». А некоторые, «будто в них что заклинило». Обычно они имеют «ОНЕВЕСТЕЦКОЕ АБРАЗАВАНИЕ». У них такое последствие — людьми навсегда оставаться и гражданами. «Но таких, почитай, раз, два и обчелся» [с.16]. У других в качестве Последствия — ПРЕДУБЕЖДЕНИЯ: то с одной стороны прыщ выскочит, что каждый народ имеет свою исконную территорию, «родную землю», на которой должен жить; то с другой стороны обозначится, что каждая этническая общность должна политически самоопределяться, чтобы обрести свою государственность; то с третьей выпрет, что каждая этническая общность обязана говорить на своем языке. Все это вместе ЭТНОНАЦИОНАЛИЗМОМ называется и очень жить мешает.

Субъектное многообразие в мире после Взрыва

снова ищет свое место и этногеополитически самоопределяется: кто вы, голубчики? куда вы движетесь? Пространство и время — атрибуты материи. Время, оно и так понятно: какое хочешь, такое и будет. Есть разные темпоральные измерения. Хочешь в аграрное общество — пожалуй в село, например, Клевакино Режевского района Свердловской области. Хочешь в индустриальное — пожалуй в Краснотурьинск али еще куда, где заводы большие стоят. А хочешь одной ногой в постиндустриальное общество попасть — давай в Екатеринбург, а уж ежели двумя — тогда в Москву, ну в Санкт-Петербург на худой конец.

Так куда ж «простым голубчикам» [с.72] податься? «Куда» — это вопрос пространственной определенности. Хоть голубчики «малые да сирые» [с.73], хоть и не видели ничего, хоть дальше своего околотка нигде и не были, свои стереотипные этноцентрические представления о сторонах света имеют. Если и заглядываются со своего крыльца на сторону, то каждой стороне света цену знают. Сами голубчики живут в стране северной, но еще севернее края есть. «На севере — дремучие леса, бурелом, ветви переплелись, и пройти не пускают, колючие кусты за порты цепляют, сучья шапку с головы рвут. В тех лесах, старые люди сказывают, живет кысь» [с.7]. Которому голубчику хребтину сзади перекусит, «когтем главную жилочку нащупает и перервет, так весь разум из человека и выйдет», тот и умирает. Стало быть, на север не ходи. Опасно! «На запад тоже не ходи. Там даже вроде бы и дорога есть — невидная, вроде тропочки. Идешь-идешь,... с полей сладким ветерком повеваает, все-то хорошо, все-то ладно, и вдруг, говорят, как встанешь. И стоишь. И думаешь: куда же это я иду-то? Чего мне там надо? Чего я там не видел? Нешто там лучше?» [с.8]. Зачем мне этот капитализм загнивающий, свободы эти, права всякие, ценности либеральные, собственность частная, ответственность персональная? Что со всем этим делать? К чему приспособить? Как почувствуешь тлетворное влияние запада, так «плюнешь и назад пойдешь. А иной раз и побежишь. И как завидишь издали родные горшки на плетне, так слеза и брызнет» [с.8]. Тошно... «На юг нельзя. Там чеченцы. Сначала все степи, степи — глаза вывалятся смотреть, — а за степями чеченцы» [с.8]. Страшно!!! А вот восток — дело другое. «Мы все больше на восход от городка ходим. Там леса светлые, травы долгие, муравчатые...» [с.13]. «В аккурат на восходе от городка стоят клелевые леса» [с.15], богатые шишкой и дичью. Вроде бы и не живет там никто, одна съедобность и утилитарность. Продвижение на восток до Взрыва мирной колонизацией называлось. Хорошо!? Знающие люди говорят, что с востока могут прийти китайцы, и, видимо, уже идут.

Однако, выбравшись на свое крыльцо, куда ни кинь, куда ни посмотри, кругом «какая тьма! На север, на юг, на закат, на восход — тьма, тьма без

края, без границ, и во тьме... падаешь и падаешь, и нетути дна...» [с.71], нет предела падения, и кажется, что «кысь в спину смотрит!!!» [с.98]. Правда, «ЭНТЕЛЕГЕНЦИЯ» [с.21] «никакой, говорит, кыси нет, а только одно, говорит, людское невежество» [с.28]. Это тьма внутри. Это людское невежество кричит тоской, смешанной со злобой, изнутри раздаётся «чуть слышно, но явно — далекий, жалобный, северный голодный вой» [с.73].

Испытывая на себе тяжелые последствия в виде мракобесия и невежества, лицемерия и враждебности, мучаются голубчики, одержимые кысью — тоской, смешанной со злобой. «Человеку озлиться долго ли: палец покажи, он и озлился» [с.28]. Голодному голубчику озлиться еще быстрее получается. Без субъекта нет объекта. Объект злобы вот он — рядом. «Сосед — это ведь дело не простое, это не всякий-який... Сосед человеку даден, чтобы сердце ему тяжелить, разум мутить, нрав распалать. От него, от соседа, будто исходит что, беспокой тяжёлый али тревожность. Иной раз вступит дума: вот зачем он, сосед, такой, а не другой? Чего он?...» [с.29]. Сосед — он на то и сосед, что рядом живет. «Ну и подерешься другой раз, когда и до смерти, а то просто руки-ноги ломаешь, глаз там выбьешь, другое что» [с.29], он все равно почти что свой. Последствия у него аналогичные. А вот на чужого озлиться еще легче. «Чужой, он и есть чужой. Что в нем хорошего?... А может ему и не так голодно, чужому. Может, он как-нибудь так обойдется. Передумает есть. А свой — он теплый. У него и глаза другие. Сморишь — и видишь: кушать хочет... Свой — он немножко как ты сам» [с.29]. Если случается что-то неприятное, «себя-то, конечно, жалко до слез. Родно, приятелей — тоже жалко, но поменьше. А чужих как-то не жалко. Они же чужие. Как можно равнять?» [с.101]. Проблема своего-чужого казалась бы вечной, если бы не усугублялась в постмодерных обществах усилением всякого рода коммуникаций, в особенности, становящейся все более многосторонней кроссэтнической коммуникации, оборачивающейся вынужденным соседством и недобровольным сотрудничеством. «Вот бежишь шибко-шибко, через Поганный Мосток... мимо кохинорской слободы. Если кохинорец высунется, кинешь в него камнем для потехи, вроде согреешься... А почему кинешь, потому как кохинорцы эти не по-нашему говорят. Бал-бал-бал да бал-бал-бал — да и все тут, да и ничего не разберешь» [с.48-49]. Камень для голубчика — самое надежное средство коммуникации с иноэтническими элементами, а драки и погромы — наибольшее развлечение. «Ну это все больше в праздник, когда настроение хорошее, а в будни дни... кохинорцы из мышиных хвостов торбочки плетут, туески, да такие искусные, заковыристые, а после на торжище обменивают. А больше они ни на что не годятся, кохинорцы» [с.50].

В настоящее время стало аксиомой положение о возросшей роли этничности и этнического фактора в процессе социальных трансформаций. Однако проблемы перспектив развития полиэтнических государств, преобладания этнического сотрудничества или этнической конкуренции в национальном и глобальном масштабах, до сих пор не имеют однозначного решения. Будут ли голубчики и дальше свирять в кохинорцев кам-

нями, поворачиваясь лицом к востоку, полагая, что там никого нет, кто бы заслуживал очередного брошенного камня?

Как однажды заметил Георг Зиммель, чужой — это не тот, кто сегодня приходит, а завтра уходит, но тот, кто сегодня приходит, а завтра остается. Неприятным открытием для голубчиков становится современный тренд увеличения числа незнакомых, чужих и соседей, тем более, что каждый из них «кушать хочет». Неспособность достигнуть гражданского согласия препятствует решению этой и многих других общенациональных проблем.

В окружении враждебных чужих, ненавистных соседей и нелюбимых своих у голубчиков своей оказывается только власть, хотя и она становится объектом обычного для них отношения, — неприязни, страха и любви из-под палки. Типы политической культуры участников, подданных и прихожан, которые обнаружили Г.Алмонд и С.Верба, следовало бы дополнить еще одним типом, — политической культурой голубчиков. Политической культуре голубчиков присущи конфликтность, конфронтационность и некомпетентность, релятивность политических принципов или их абсолютное отсутствие, конформизм, патерналистские иллюзии, стремление слиться с властью в ожидании льгот и вместе с тем дистанцироваться от нее. Для голубчиков традиционна нелюбовь к начальствованию и начальству при подданническом отношении к любому центру реальной власти. «Обычно идешь себе, семенишь, по сторонам сторожко поглядываешь: нет ли начальства какого? Ежели в саях едут — отскочишь на обочину, шапку долой, кланяешься. На рыло улыбочку умильную напустишь, масляную. Глазыньки тоже сощуришь, будто обрадовался..., словно он, мурза — не мурза, а бабушка с гостинцами... Проедет мурза, напылит, напачкает... Рыло можно опять прежнее, простое, злобное, — плюнешь, обматеришь, вслед оскорбление какое — пожалуйста» [с.92-93]. Малого мурзу «Шакал Демьяныча никто особенно не любит. Да и кто мурзу любить может? Разве что баба его, ну детушки малые, а так никто. А не для того он и предназначен, мурза, чтоб его любить. А он для того предназначен, чтобы порядок был... А без мурзы нельзя, без мурзы мы все перепутаем» [с.110]. Совсем не то — «глава государства», [с.68] — Федор Кузьмич, «слава ему», «Секлетарь и Академик и Герой и Мореплаватель и Скотарь, и как я есть в непрестанной об людях заботе» [с.73-74]. И как для верующих все зло заключено в аду, а все добро — в раю, так для голубчиков все зло относится к мурзам всех ветвей власти, а всевозможные достижения и достоинства принадлежат одному гаранту, слава ему, который издал все Указы, совершил все открытия и сочинил все книги. «О прошлом годе изволил Федор Кузьмич сочинить шопенгауэр, а это вроде рассказа, только ни хрена не разберешь... А называлось: мир как воля и представление; хорошее название, зазывное. Всегда ведь что-нибудь в голове представляется, особенно когда спать ложишься; зипун под себя подоткнешь... И представляешь» [с.81-82]. «А уж если по правде, то нудьга такая, что не приведи господи» [с.83]. А уж если по правде, то голубчикам в принципе все равно: будь то Федор Кузьмич — Секлетарь и Академик,

будь то Кудеяр Кудеярыч — Генеральный Санитар, все равно «...свобода слева... или снова... не разберешь... Да чего-то надоело. Хватит свобод» [с.297, 299].

Если бы У.Ростоу жил в Федор-Кузьмичске [с.18] или Кудеяр-Кудеярычске [с.295] он, несомненно, обнаружил бы *общество преодоления и всеобщей неприязни*. Для «общества потребления» (оно же — *общество всеобщего благоденствия*) характерно отсутствие внешних и внутренних угроз, экономический рост, развитая социальная сфера, высокий уровень жизни, а также пристальное внимание к жизни индивида, интерес к повседневности, к здесь-и-сейчас-бытию, ориентация на успех, социальную и личную перспективу. Для *общества преодоления* характерно наличие внешних и внутренних угроз, отсталая экономика, дефективная социальная сфера, низкий уровень потребления, бытовое варварство, а также пренебрежение жизнью индивида, игнорирование повседневности, ориентация на «светлое будущее», «тот свет», отсутствие стремления к успеху и личной перспективе. Это есть *общество всеобщей неприязни*. Этому типу общества присущи особые качества: нетерпимость к иному, непримиримость позиций, стремление не к истине, а к правде, жесткость и жестокость, бескомпромиссность, неспособность к совместным действиям, ксенофобия и ряд других, присущих голубчикам черт. В обществах всеобщего благоденствия, основанных на гуманистической системе ценностей, в качестве предельного основания жизни общества выступает отдельный самоценный человек и гражданин, в котором все является результатом его суверенного выбора. В обществах всеобщей неприязни в качестве предельного основания жизни общества выступает общность, членом которой непременно оказывается, как все прочие, «такой же хомо сапиенс, гражданин и мутант» [с.68].

Граждане и голубчики определяют возможные этнополитические сценарии. Если общества всеобщего благоденствия распространяют гуманистическую, рациональную систему ценностей на весь мир так же, как они распространили способы увеличения продолжительности жизни, то будет разворачиваться толерантный, единственно перспективный сценарий. В нем допускается нейтральное отношение к иному виду, образу жизни; к тому, что одновременно существуют различные языки, школы, обычаи, религии; при этом подобные различия представляются малозначительными по сравнению с общими проблемами. Отсюда следует толерантность как заинтересованность в совместном и современном существовании в обществе, члены которого приносят друг другу пользу.

Если возобладают маргинальные установки обществ всеобщей неприязни, то будет разворачиваться интолерантный, контрпродуктивный политический сценарий, вовлекающий глобус в перманентные национальные и этнические конфликты. Общества преодоления всегда находятся в состоянии борьбы с голодом и вынужденным «мышьеением», с бедностью и тотальной враждебностью, со «ржавью» как средством преодоления всех бед, которое, в свою очередь, требует преодоления. Неприязненные «голубчики» могут уничтожить и «Прежних», и «клелевые леса», и «кохинорцев», и «чеченцев», и непонятный запад, и самих себя. Существует только одна возможность избежать «апокалипсиса сегодня» — понять, наконец, что «кысь» — не на севере, и не на востоке, и вообще нигде вовне, она — внутри. Понять это и «выдавить из себя по капле» эту тварь. Тогда и случится перерождение мутантов и голубчиков в «хомо сапиенсов» и граждан.

* Сноски даны постранично по изданию: Толстая Т.Н. Кысь: Роман. — Переиздание. — М.: Подкова, 2003. — 320 с.